

И. В. Морозов,

*доктор культурологии, профессор, профессор кафедры менеджмента
социально-культурной деятельности учреждения образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»,
Минск, Беларусь*

КУЛЬТУРА ДРУГОГО: СЧАСТЬЕ ПОНИМАНИЯ

Аннотация. Значимость фигуры Другого для современной философии и культуры в целом весьма высока, для чего имеется множество экзистенциальных факторов и причин. К этому феномену в той или иной степени обращаются практически все ведущие мыслители последнего столетия, раскрывая различные аспекты его социокультурного проявления. Это дает основание говорить о Культуре Другого. Причем как на общекультурном уровне взаимодействия различных этнических, региональных культур, так и относительно проявления этого феномена в личностной культуре, в которой за основу берется культура речи, дискурса, обеспечивающая достойное взаимопонимание и, следовательно, ощущение счастья.

Ключевые слова: Культура Другого, речь, диалог, дискурс, понимание, взаимопонимание, счастье, метамодерн.

I. Morozov,

*Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department
of Management of Social and Cultural Activities of the Educational
Institution "Belarusian State University of Culture and Arts", Minsk, Belarus*

THE CULTURE OF THE OTHER: THE HAPPINESS OF UNDERSTANDING

Abstract. The importance of the figure of the Other for modern philosophy and culture as a whole is very high, for which there are many existential factors and reasons. Almost all the leading thinkers of the last century turn to this phenomenon to one degree or another, revealing the most diverse aspects of its socio-cultural manifestation of the Other. This gives reason to talk about the Culture of Another. Moreover, both at the general cultural level of interaction between various ethnic and regional cultures, and regarding the manifestation of this phenomenon in personal culture, which is based on the culture of speech, discourse, providing decent mutual understanding and, consequently, a sense of happiness.

Keywords: culture of the Other, speech, dialogue, discourse, understanding, mutual understanding, happiness, metamodern.

Уже доказано, что современное человечество переживает радикальную, возможно, беспрецедентную трансформацию во всех сферах культуры. Парадигмальным концептом при этом становится сущность и образ Другого в той или иной форме противостоящий Я. Иначе говоря, экзистенциальная проблематика межчеловеческого общения, у которой выделяются глубинные хронические причины. Это

и тотальная индустриализация и технизация практически всех производственных процессов, низводящих личность до рядового винтика в общем обезличенном механизме. Это и повсеместная урбанизация, породившая мегаполисы, где человек также поглощается общим потоком сугубо функциональных действий, что влечет раздражительную агрессивную реакцию, чувство неприязни ко всему и всем, наконец, острое переживание одиночества, бессмысленности бытия, депрессии от потерянности собственного творческого Я. Это и современный фактор глобализации, информационного общества, который приводит в замешательство относительно своей культурной идентичности и духовного алгоритма при общении с представителями культуры Другой.

В этом неожиданном и неизбежном изменении картины мира бесспорным представляется тезис М. Хайдеггера о том, что «мир присутствия есть совместный мир», и что человек может идентифицироваться только в сообществе с другими людьми, с которыми он составляет некое единство [6, с. 118].

Тем не менее мы до сих пор выстраиваем свое представление о бытии человека в мире по бинарному принципу, выделяя определенный антагонизм в отношениях «Я – Другой», «Запад – Восток». Впрочем, эта бинарность аутентична нашему мировосприятию, являясь и служа универсальной особенностью нашего мышления, проявляясь в суждениях о полярности и дополнительности при имманентном их противоборстве. Бинарность «добра–зла», пожалуй, наиболее общий и исходный тому пример.

В любом случае понятие Другого в современной философской антропологии амбивалентно, ибо принадлежит и подразумевает взаимодействие инокультур в целом, и явление глубоко личностное, субъективное, интимное. Из этого следует, что феномен и проблематика Другого вбирает, как минимум, два уровня понимания и разрешения. То есть можно говорить о Культуре Другого, имея в виду взаимодействия между представителями различных этнических, региональных культур. Одновременно существует и Культура Другого как личностная способность и решимость к гармоничному и плодотворному взаимодействию с кем бы то ни было. И именно оно является наиболее любопытным, фундаментальным, поскольку обращается к принципиальным аспектам бытия человека, уникального и неповторимого в конечной инстанции в своих духовных проявлениях. И там обнаруживает диалектический диалог, обсуждение, спор человека прежде всего внутри самого себя и уже потом обращение к миру Других [2].

Жизнь человеческая – феномен отнюдь не линейный, можно лишь представить ее некой натянутой веревочкой, у которой некогда было начало и когда-то наступит конец, сколько бы ни виться ей по прямому вектору бытия. На самом деле она подобна на путеводную

нить со множеством неповторимых «узелков на память». Таким своеобразным узелковым письмом, кстати, пользовались и наши предки, и сравнительно недавно уникальная культура инков.

И каждый узелок на нити – некое достаточно значимое и памятное событие, имеющее глубоко личностный характер и сопряженное с межличностным общением. Однако и то, и другое латентно заключается в очном, непосредственном или заочном, воображаемом общении с неким существом помимо наличного и актуального Я. Со времен появления психоанализа мы их вполне успешно подразделяем, вслед за З. Фрейдом, как Я, Сверх-Я и Оно. А отношение к Другому определяется естественным табу, которое описывается как результат действия «таинственной силы», наблюдаемой между неким лицом и определенной вещью, явлением [3, с. 31]. Отсюда априорная, архетипическая ксенофобия может трактоваться как непереносимое, фактически бессознательное *от-чуждение* всякого от Другого. Это следует из концепта М. Фуко, полагавшего, что с позиции социальной идентичности Другой обречен быть чуждым отдельному Я [4]. Поэтому человек невольно устанавливает невидимую дистанцию, своеобразную ментально-чувственную ауру, имеющую также амбивалентное предназначение. Он разделяет, вычленяет, огораживает, отчуждает Другое как такое, и соединяет, связывает все Другое в мир, в котором исполняется отличность, уникальность личности. И вот это желание Другого, желание *от-крыться* этому Другому и в некотором смысле самому стать другим все время соединялось и продолжает соединяться для Я с тем, с чем оно связано тысячами нитей с окружающей реальностью [1].

В связи с этим Культура Другого искони служит метафизическим мостом *обще-личностной* коммуникации, а феномен взаимопонимания – принципиальным условием разрешения конфликтности внутри бытия Я-Другого. Наиболее последовательно это исследовано Ю. Хабермасом в «Теории коммуникативной деятельности» (1981), где обнаруживается тяготение автора к психоанализу. В результате предлагается модель этики дискурса; т. е. не просто диалога, но активного общения на основе текстов, имманентно содержащих систему факторов и смыслов социокультурного и событийного значения и таким образом обеспечивающих благотворное взаимодействие людей. За это его еще нарекают «речью, погруженной в жизнь». Можно и так сказать: жизнь, поднятая в речи. В любом случае дискурс определяется как способ верификации спорной значимости его предмета с целью достижения продуктивного общезначимого согласия. Для этого и существует универсальная прагматика речи, которая, по Ю. Хабермасу, служит обеспечению лингвистического взаимопонимания и выделяет несколько аспектов коммуникации, среди которых и экспрессивный, связанный с правдивостью говорящего, причем при полной свободе слова и участия в дискурсе.

Ведь «демократию» Ю. Хабермас называл «волшебным словом» своей философии, которая обязана ассоциироваться с этикой иного типа [5].

Таким образом, Культура Другого – это прежде всего культура речи, вербального воле- и смысловыражения, направленного как экстравертивно – в мир обитания с Другим, так и интровертивно – для удовлетворения потребности самоидентичности и реализации своего Я. Это способность находить адекватные ситуации характеру, мировосприятию Другого и собственным чаяниям и интенциям слова, выражения, эпитеты, сравнения, интонацию... И все во имя того, чтобы быть понятым, а еще лучше взаимопонятым. Не зря же многовековая мудрость конфуцианства трактует счастье именно как понимание себя Другими.

Сегодня, в эпоху метамодерна эта формула счастья, пожалуй, наиболее верна, ибо явно востребована. Ведь, согласно его декларациям и манифестам, он являет собой «эпоху будущего», эпоху «человека счастливого», homo beatus, актуализирующего непосредственное участие всякого Я в мироустройстве мира, преисполненного многообразием столь же креативных Других.

1. Дубин, Б. Диалог с Другим [Электронный ресурс] / Б. Дубин // Первое сентября. – 2006. – № 10. – Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/russia/moscow/persons/dubin-b/dialog-s-drugim/>. – Дата доступа: 09.09.2024.

2. Лакан, Ж. О бессмыслице и структуре бога (пер. с фр. А. К. Черноглазова) / Ж. Лакан // Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иного. – СПб., 2000. – С. 218–231.

3. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд. – М.: Эксмо, 2018. – 224 с.

4. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; пер. с фр. И. Стаф; под ред. В. Гайдамака. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.

5. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. / Ю. Хабермас; пер. с нем. А. К. Судакова. – М.: Весь мир, 2022. – 880 с.

6. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 356 с.

УДК 7:[374-053.5]

Е. Г. Наумова,

аспирант учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск, Беларусь

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ДЕТСКИХ ШКОЛАХ ИСКУССТВ

Аннотация. В работе представлен и характеризуется феномен нематериального культурного наследия, рассматривается вклад детских школ искусств в сохранение и развитие белорусского нематериального культурного наследия. Особое внимание направлено на внедрение в образовательный процесс совре-